

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ЭДМУНД
БЁРК

КОНСЕРВАТОРЫ

БЕЗ
ЛИБЕРАЛОВ
И
РЕВОЛЮЦИЙ

ЖОЗЕФ
де МЕСТР

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

**Эдмунд Бёрк
Жозеф де Местр
Консерваторы. Без
либералов и революций
Серия «Философский поединок»**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54820966
Консерваторы. Без либералов и революций:
ISBN 978-5-906842-94-7*

Аннотация

Консервативное направление в политике по сей день является одним из самых влиятельных в мире. Среди видных политических деятелей консерваторами считаются президент России В. Путин и президент США Д. Трамп.

Консерватизм означает приверженность традиционным ценностям и порядкам, социальным или религиозным доктринам. Это течение возникло как реакция на либеральные и революционные движения в мире; его основателями являются Эдмунд Бёрк, английский политический деятель, родоначальник консервативной идеологии, и Жозеф де Местр, франко-итальянский политик и дипломат, основоположник политического консерватизма.

В книге, которую вы держите в своих руках, собраны лучшие произведения Э. Бёрка и Ж. де Местра, наиболее отчетливо показывающие принципы консерватизма. В качестве предисловия дана статья о Бёрке и его учении известного современного приверженца политического консерватизма Г. Киссинджера. Кроме того, в книге содержатся рассуждения Ж. де Местра о России, где он долго жил, об особенностях русского пути развития и русской жизни.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Вместо предисловия	6
Эдмунд Берк	14
Основы консерватизма	15
Революция как преступление	23
«Права человека» – мина замедленного действия	29
Религия и церковь – основа общества	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

**Эдмунд Бёрк,
Жозеф де Местр
Консерваторы. Без
либералов и революций**

© Перевод с английского Е. Гельфанд, перевод с французского Г. Абрамова, Т. Шмачкова, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Вместо предисловия

О консерватизме

Пытаясь постигнуть сложные проблемы современности, полезно обратиться к консерватизму Эдмунда Берка. Его эпоха сравнима с нынешней: французская революция смела сложившееся общественное устройство и монархию. Американская революция перевернула господствующий международный порядок.

Берк столкнулся с парадоксом консерватизма: ценности универсальны, но, как правило, должны воплощаться в жизнь как процесс, то есть постепенно. Если ценности вводятся без оглядки на историю и обстоятельства, они лишают законных оснований все традиционные ограничения. Берк сочувствовал американской революции, поскольку рассматривал ее как естественное развитие и распространение английских свобод. И не принял французскую, поскольку, по его мнению, она разрушила то, что создавалось поколениями, а заодно и перспективу органичного роста.

Для Берка общество было и достоянием предыдущих поколений, и отправной точкой дальнейшего развития. В «Размышлениях о французской революции» он писал: «Идея наследия обеспечивает неоспоримый принцип сохранения, как и неоспоримый принцип передачи, совсем не исклю-

чая принципа совершенствования». Общество, развиваясь в таком духе, обнаружит, что «совершенствуясь, мы никогда полностью не обновляемся; а в том, что оставляем, мы никогда полностью не сохраняем устаревшее».

Отсюда расчетливость «есть добродетель во всем, а в политике – первейшая добродетель». На практике расчетливость порождает политику, которая, как писал Берк в 1789 г., «заставляет нас, скорее, дать молчаливое согласие на какой-нибудь ограниченный план воплощения абстрактной идеи, нежели предусматривающий доведение ее до полного совершенства, которого невозможно достигнуть, не разорвав ткань общественного устройства».

В этом уточнении – суть разногласий между консерватизмом и либерализмом в нашем обществе, между взглядом на историю как на органичный процесс или как на цепь эпизодов, произошедших по чьей-то воле. В некоторой степени это и объясняет разницу, которая существует между консерватизмом Берка, как я его понимаю, и некоторыми аспектами неоконсерватизма.

Эти расхождения чем-то сродни семейной ссоре. Многие неоконсерваторы – мои близкие друзья, я часто соглашаюсь с их анализом какой-либо конкретной ситуации и уважаю их убеждения. Я также довольно близко их узнал, поскольку время от времени становился объектом нападков с обеих сторон идеологической линии. Различие наших взглядов главным образом касается вопроса о роли истории в достижении

общих целей.

Это различие зачастую находит выражение в отвлеченных спорах о том, что доминирует в международных отношениях – сила или ценности. Сторонников реалистической внешней политики карикатурно ассоциируют с немецким термином *Realpolitik*, как я полагаю, чтобы упростить выбор, какой из сторон отдать предпочтение. В этом утрированном изображении международные отношения представляются как последовательность периодически сталкивающихся бильярдных шаров, траекторию и силу ударов которых можно рассчитать и усовершенствовать. Утверждается, что ценности нерелевантны для «реалистической» внешней политики; баланс силы является для нее доминирующим, даже единственным мотивирующим фактором.

Альтернативный подход часто представляется как «идеализм», или «ценностно-ориентированная» внешняя политика. Для его сторонников американские ценности универсальны, их можно распространять с помощью предсказуемых механизмов и, как правило, в конечный отрезок времени. Стратегические вопросы рассматриваются в целом путем анализа внутривнутриполитических структур. В соответствии с неоконсервативной школой, с теми обществами, где демократия несовершенна, отношения неизбежно будут враждебными; но они наверняка улучшатся по мере расширения демократии. Геополитический анализ отвергается, поскольку его сторонники исходят из того, что в некоторых странах

еще существует правление, далекое от совершенства. Приверженцы школы «идеализма» призывают Америку распространять свои ценности, спонсируя революции, а если необходимо, и при помощи военной силы. Однако, как мне представляется, ни один из этих двух подходов не отвечает критериям Берка, которые предполагают учет всего разнообразия человеческого опыта и сложности управления государством.

Аналогия с бильярдным столом соблазнительна. Но в реальной внешней политике «бильярдные шары» реагируют не только на физическое воздействие. Актеры, подразумеваемые под бильярдными шарами, в реальной жизни руководствуются также и собственным культурным наследием: историей, инстинктами, идеалами, характерным для них национальным подходом к стратегии, то есть их национальными ценностями. Подлинная внешняя политика нуждается в мощной системе ценностей, которая могла бы служить руководством в любых, часто двусмысленных, обстоятельствах. Даже Бисмарк, самый яркий представитель реализма, подчеркивал предельную моральную основу реалистичной государственности: «Лучшее, что может сделать государственный муж, – это внимательно прислушаться к шагам Бога, ухватиться за край Его плаща и пройти с Ним несколько шагов пути».

Позиция неоконсерваторов построена на том, что всеобщего мира можно достигнуть через инженерию системы

демократических институтов, а если история развивается недостаточно быстро, ее можно подтолкнуть военной силой. На практике эта конечная цель настолько удалена, а способ ее достижения настолько неясен, что все сводится к интервенционизму, который истощает наше общество, а в конечном счете ведет к отказу от принципов, как это было во Вьетнаме, Ираке и Афганистане. Различие не столько в конечных целях, сколько в темпах их осуществления. Дело не в том, что существующий порядок нельзя изменить, а в том, что необходимые для этого усилия будут более обстоятельными при умелом сочетании нацеленности на перспективу с признанием разнообразия и сложности обстоятельств.

Наибольшее доверие внушает подход, который предполагает готовность направить наши усилия на более эволюционные – порой едва ощутимые – меры, чем те, которые обязательно удовлетворят поколение YouTube и Twitter. Адаптировать американскую внешнюю политику к внутренним обстоятельствам других обществ и иным аналогичным факторам, в том числе связанным с национальной безопасностью, не значит отказаться от принципов.

Речь, в конечном счете идет о принципах мирового порядка и прогресса человечества. Радикальная реалистичная модель предполагает международное равновесие, периодически осложняемое конфликтами. В соответствии с ней Соединенные Штаты не могут направить ход истории в русло гуманизма и демократии, поскольку историей нельзя управ-

лять, она вершится по собственным законам. Неоконсервативная модель приходит на смену демократической телеологии истории; в соответствии с этой моделью на Америку возложена ответственность (и ей это по силам) всячески поощрять революции дипломатическими средствами, в крайнем случае – с помощью военной силы.

Американский консерватизм в духе Берка может внести заметный вклад, если преодолет это расхождение (с либерализмом во взглядах на историю). Мировой порядок, при котором государства участвуют в международном сотрудничестве, в соответствии с согласованными правилами, вселяет надежду и должен стать источником нашего вдохновения. Поступательное движение к установлению такого порядка возможно и желательно. Но потребуются целая серия промежуточных этапов. В любой конкретный промежуток времени мы добьемся большего, если, как писал Берк, дадим «молчаливое согласие на какой-нибудь ограниченный план воплощения абстрактной идеи, нежели предусматривающий доведение ее до полного совершенства», или столкнемся с угрозой краха и отречения от принципов, если будем настаивать на незамедлительном достижении конечных результатов. Мы нуждаемся в такой стратегии и дипломатии, которые учитывали бы сложность предполагаемого «путешествия» – благородство цели, но также и несовершенный характер человеческих усилий, посредством которых эта цель будет достигнута.

Попытки опираться в своих действиях только на принципы силы окажутся несостоятельными. Но и продвижение ценностей без учета культуры и всех нюансов – включая такие неосязаемые факторы, как обстоятельства и шансы, – закончится разочарованием и отступлением от принципов.

Расхождения между идеализмом и реализмом противоречат историческому опыту. У идеалистов нет монополии на моральные ценности; реалисты же должны признать, что идеалы – тоже часть действительности. Разочарования будут не столь частыми, если мы сделаем выбор в пользу внешне-политического курса, нацеленного на то, чтобы зачислять в свой актив не столько яркие события на грани апокалипсиса, сколько оттенки и полутона; и наши ценности выиграют в долгосрочной перспективе.

Такая внешняя политика должна строиться на осознании нашего культурного наследия, сбережение которого – огромная проблема в век социальных сетей и Интернета. Поколения, воспитанные на книгах, знакомились с понятиями и сложными идеями, над которыми размышляли их предшественники. Когда информацию можно получить, посмотрев в Интернете, создается ее избыток, способный препятствовать приобретению знаний, и оно перестает внушать уважение. Когда факты отделяются от контекста и используются по мере необходимости, есть опасность утратить связь с исторической перспективой. Как писал Берк, «кто не оглядывается на предков, не думает о потомках».

Когда источником идентичности становится консенсус, возникший во время обсуждения в кругу случайных «друзей» на страницах социальных сетей, сиюминутное может взять верх над чем-то очень важным. Поведение по типу стимул – реакция заслоняет собой размышления о сущности. Преодоление этой опасности – возможно, самая главная культурная задача для консерватора – последователя Берка.

Г. Киссинджер

Эдмунд Берк

Консерваторы и революционеры

*(Из работы «Размышления о
революции во Франции, в письме
к парижскому дворянину»)*

Основы консерватизма

Я льщу себя надеждой, что доказал свою приверженность делу свободы всем своим общественным поведением. Но я не могу хулить или хвалить что бы то ни было, имеющее отношение к человеческим поступкам и общественным интересам, если не увижу предмета во всех его связях, во всей обнаженности, а не в единичности метафизической абстракции. Обстоятельства (мимо которых с легкостью проходят некоторые господа) в действительности определяют достоинства и недостатки каждого политического решения. Именно обстоятельства делают любую общественную или политическую схему полезной или пагубной для человечества.

Абстрактно рассуждая, твердая власть так же хороша, как свобода; но мог бы я, находясь в здравом рассудке, десять лет назад поздравлять Францию с тем, что она удовлетворена своим правительством, не разобравшись, какова природа этого правительства или какими методами оно управляет? Должен ли я сегодня поздравлять эту страну с освобождением только потому, что абстрактно свобода может быть отнесена к благу для человечества? Должен ли я всерьез поздравлять безумца, который бежал из-под защиты сумасшедшего дома и благотворного мрака своей палаты только потому, что он вновь получил возможность пользоваться светом и свободой?

Должен ли я поздравлять убийцу или разбойника с большой дороги, разбившего оковы тюрьмы, с обретением им своих естественных прав? Это походило бы на эпизод освобождения преступников, осужденных на галеры, героическим философом – Рыцарем Печального Образа.

Газ или сжатый воздух разорвали сосуд: но мы вынуждены воздержаться от суждения, пока не осядет первый вихрь и жидкость не станет прозрачной, если хотим проникнуть глубже, чем это позволяет сделать бурлящая и мутная поверхность. Равным образом я должен терпеливо подождать, прежде чем публично поздравлять людей с приобретенным ими благом. Лесть в одинаковой степени развращает льстеца и того, кому она предназначена; низкая лесть не идет на пользу ни народам, ни королям. Вот почему я воздержусь от поздравлений Франции с обретенной свободой, пока не буду знать, как новая ситуация отразилась на общественных силах; управлении страной; дисциплине в армии; на сборе и справедливом распределении доходов; на морали и религии. Все это прекрасные вещи, и без них свобода не может быть благословением. Значение свободы для каждого отдельного человека состоит в том, что он может поступать так, как ему нравится: мы должны понять, что ему нравится, прежде чем пришлем поздравления, которые в скором времени могут обернуться соболезнованиями. Осторожность требуется даже тогда, когда речь идет об отдельном, частном человеке; но свобода, когда она становится принадлежностью массы,

обретает власть. Прежде чем декларировать эту тему, народ должен рассмотреть возможность ее использования, ибо это новая власть новых людей, у которых малый или вообще отсутствует опыт управления, а их активность на политической сцене не всегда означает, что именно они действительно являются движущей силой.

Эдмунд Бёрк

В то же время английское политическое устройство представляется мне плодом глубоких размышлений или скорее счастливым результатом следования мудрым законам природы. Дух новшеств присущ характерам эгоистическим, с ограниченными взглядами. Английский народ прекрасно понимает, что идея наследования обеспечивает верный принцип сохранения и передачи и не исключает принципа усовершенствования, оставляя свободным путь приобретения и сохраняя все ценное, что приобретается. Преимущества, которые получает государство, следуя этим правилам, оказываются схваченными цепко и навсегда. В соответствии с конституцией, выработанной по подобию законов природы, мы получаем, поддерживаем и передаем наше правительство и привилегии точно так же, как получаем и передаем нашу жизнь и имущество. Политические институты, блага фортуны, дары Провидения переданы потомству, нам и для нас, в том же порядке и в той же последовательности.

Наша политическая система оказывается в точном соответствии с мировым порядком, она существует по правилам, предписанным для функционирования постоянного органа, состоящего из временных частей, этот порядок по закону великой, поразительной мудрости предусматривает слияние воедино огромных таинственных человеческих рас, ко-

которые по неизменному закону постоянства стремятся вперед в общем процессе вечного угасания, гибели, обновления, возрождения и нового движения. Так универсальный закон природы преломился в жизни государства, в котором мы усовершенствуем то, что никогда не бывает полностью новым, и сохраняем то, что никогда полностью не устаревает. Придерживаясь таких принципов по отношению к предкам, мы ведомы не древними предрассудками, а идеей философской аналогии. Принимая престолонаследие, мы основываем правление на кровных связях, а законы страны увязываем с семейными узами и привязанностями, храня в памяти с любовью и милосердием наше государство, домашние очаги, могилы предков и алтари.

Рассматривая наши свободы в свете идеи наследования, мы получаем немалые преимущества. Дух свободы, часто провоцирующий беспорядки и эксцессы, действуя как бы в присутствии канонизированных предков, умеряется благодаря глубокому уважению и благоговению. Идея свободы, полученная людьми вместе с врожденным чувством достоинства, защищает поколения от неизбежной наглости выскочек. Вот почему наша свобода – это благородная свобода. Она значительна и величественна. У нее есть родословная, своя портретная галерея предков, ей принадлежат надписи на монументах, документы, свидетельства, титулы и права. Наше почитание гражданских институтов зиждется на той же основе естественного почитания индивидуума. Все ваши

софисты не могут предложить ничего лучшего для сохранения всеобщей гармонии, которая в природе и обществе возникает через взаимную борьбу противоположных сил.

Вы считаете эти противоположные конфликтующие интересы недостатком вашего прежнего и сегодняшнего политического устройства, в то время как они являются спасительным препятствием для всех поспешных решений. Тщательное обдумывание выбора оказывается не только возможным, но и необходимым; происходит полное изменение предмета компромисса, что, естественно, порождает умеренность; эта умеренность защищает от воспаленного зла, жестокости, непродуманности, неумелого реформаторства и делает неосуществимыми все усилия деспотической власти. Разнообразие интересов и позиций в данном случае полезно, ибо общая свобода тем лучше защищена, чем больше различных точек зрения. Пока монархия своим весом скрепляет все разрозненные части, им не грозит искажение, распад, сдвиг с предназначенных мест.

Но когда из жизни уйдут старые обычаи и правила, потери будут невозместимы. С этого момента у нас не будет более компаса, и мы не будем знать, в какой порт мы плывем. Без этих старых фундаментальных принципов, без благородства и религии во что превратится нация грубых, необразованных, свирепых и в то же время нищих и отвратительных варваров, лишенных религии, чести, мужской гордости, ничего не имеющих в настоящем и ни на что не надеющихся в

будущем. Я желал бы вам не спешить по пути, ведущему к этому ужасному и подлому положению.

Революция как преступление

Вы могли бы воспользоваться нашим примером и придать обретенной вами свободе подобающее ей достоинство. Ваша государственность, и это правда, оказалась в полуразрушенном состоянии. Но у вас остался фундамент и часть стен благородного и почитаемого храма. Теперь вы можете восстановить эти стены и начать строительство на старом фундаменте.

Вы обладаете всеми преимуществами своего прежнего государственного устройства; но вы предпочитаете действовать так, как будто никогда и не имели ничего общего с гражданским обществом, и каждый шаг делаете заново, презирая все, что вам принадлежало. Вы хотите основать дело без капитала. Если новые поколения французов кажутся вам недостойными, вы можете обратиться к более древним предкам, приняв их мудрость и добродетель за образец, возвыситься до него, подражая и вдохновляясь этим примером.

Уважая своих праотцов, вы научитесь уважать себя. Вы перестанете рассматривать французов как нацию, которая родилась и пребывала в рабстве до 1789 года. Тогда бы возросла цена вашей чести, ваши преступления были бы прощены, а сами вы вряд ли были довольны тем, что вас представляют как банду беглых рабов, внезапно вырвавшихся из крепостного состояния, и были бы достойны свободы, которой

злоупотребили, ибо к ней не привыкли. В противном случае, мой достойный друг, вряд ли было бы мудрым считать французов, как это всегда делал я, великодушной и галантной нацией, обладающей высокими романтическими чувствами преданности, чести и лояльности. Свершившиеся события оказались для вас неблагоприятны, но вы не должны позволить ограниченным и подобострастным политикам закабалить себя. Разве в лучшие свои времена вы не действовали в духе общественного договора и страна, олицетворенная ее королем, не вызывала всеобщего уважения?

Если бы вы не вычеркнули из памяти своих предков, сохранили живыми прежние принципы и образцы старого всеобщего европейского закона, улучшив и приспособив его к современной ситуации, вы бы явили миру примеры новой мудрости. Вы сделали бы дело свободы почетным в глазах достойных людей всех народов. Вы посрамили бы деспотизм на земле, показав, что свобода не только совместима с законностью, но, когда она не отвергает дисциплину, то и способствует ей.

Если бы вы все это сделали, вы получили бы хорошие плоды: свободное государство, сильную монархию, дисциплинированную армию, реформированную и пользующуюся уважением церковь, смягченное и энергичное дворянство – все условия, чтобы умножать ваши добродетели, а не уничтожать их; либеральные порядки для третьего сословия позволили бы ему соревноваться с дворянством и привлечь

его на свою сторону; у вас был бы защищенный, довольный и трудолюбивый народ, научившийся понимать и ценить благополучие, которое можно обрести только на стезях добродетели и которое гарантируется полным моральным равенством. Вместо этого людей, обреченных влачить во мраке тяжелую трудовую жизнь, чудовищно обманывают, внушая им ложные идеи и напрасные надежды, делая реальное неравенство еще более горьким, ибо избавиться от него невозможно.

Для вас был открыт путь к счастью и славе, вы вошли бы в мировую историю. Но подсчитайте теперь свои достижения: к чему привело вас забвение предков и презрение к современникам. Следуя за ложными огнями, Франция за ужасные бедствия расплачивается столь высокой ценой, какую другие народы не заплатили за очевидные благодеяния. Франция купила нищету ценой преступления!

Все другие нации начинали создание нового правительства или реформирование прежнего с укрепления религии и церковных ритуалов. Все другие народы основывали гражданские свободы на строгих правилах и системе строжайшей и мужественной морали; но как только Франция сбросила узду законной власти, она удвоила дикую распущенность, своеволие, наглое безверие – в теории и на практике; все слои населения оказались охваченными отвратительной коррупцией, которая всегда считалась болезнью богатства и власти. Так теперь выглядит один из новых принципов равенства во Франции.

Ниспровергнутые законы, разогнанные суды, бессильная промышленность, издыхающая торговля, неоплаченные долги, народ, доведенный до нищеты, разграбленная церковь, армия и гражданское общество в состоянии анархии, анархия, ставшая государственным устройством, каждое человеческое и божье создание, принесенное в жертву идолу народного доверия, и как следствие – национальное банкротство.

* * *

Были ли необходимы все эти мерзости? Явились ли они неизбежным результатом отчаянных усилий смелых и решительных патриотов, вынужденных переплыть море крови, чтобы достичь мирного берега цветущей свободы? Нет! Ничего подобного! Свежие руины Франции, которые поражают вас повсюду, куда бы вы ни бросили взгляд, не являются опустошениями, произведенными гражданской войной; они – печальные, но поучительные памятники необдуманых и невежественных решений, принятых во время глубокого мира; это красноречивые доказательства некомпетентности и самонадеянности новой власти, которая не встречала сопротивления.

Люди, которые, совершая преступления, сводили личные счеты; которые допустили дикий разгул общественной злобы, не встретили в своем продвижении почти никакого со-

противления. Их марш больше походил на триумфальное шествие, чем на военные действия. Их пионеры приходили первыми и крушили все, что попадалось им под руку. Ни одна капля их крови не была пролита во имя страны, которую они разрушили. Они ничем не пожертвовали ради своих проектов, когда заключали в тюрьму короля, убивали своих сограждан, заставляли умыться слезами, повергнув в горе и нищету, тысячи достойных людей и благородных семейств.

Источником их жестокости был даже не страх. Она явилась результатом уверенности в полной личной безопасности. Она толкала их на государственную измену, позволяла творить грабежи, насилие, убийства, кровавую резню и оставлять пепелища в разоренной стране.

Эти люди должны разрушать, иначе их существование утратит цель. Одни из них самоутверждаются, разрушая гражданскую власть и начиная с нападков на церковь; другие считают, что падение гражданской власти должно сопровождаться гибелью церкви. Они прекрасно понимают, какими ужасными последствиями чревато это двойное разрушение церкви и государства; но их так подогревают собственные теории, что они не могут остановиться даже перед разрушениями и несчастьями, неизбежность которых им известна. Один авторитетный господин, несомненно человек высокоталантливый, сказал о предполагаемом союзе церкви и государства: «Быть может, мы должны подождать падения гражданских властей, чтобы этот противоестественный союз был

разорван. Несомненно, что настанут бедственные времена; но конвульсии политического мира не должны нас беспокоить, если мы хотим получить желаемый результат».

«Права человека» – мина замедленного действия

Вы видите, как хладнокровно эти господа готовят ужасные несчастья, которые могут постигнуть их страну. Они презирают опыт, считая его мудростью невежд. Они закладывают мину, которая разом взорвет все древние образцы, все обычаи, хартии, парламентские акты. Эта мина – права человека.

Идет ли речь о подлинных правах человека?! О! я далек от мысли о возможности отрицать их в теории, да и на практике я готов всем сердцем поддержать реальные права человека. Отвергая фальшивые претензии, я вовсе не собираюсь порочить действительные права, которые не имеют с ними ничего общего. Если гражданское общество было создано для блага человека, то он имеет права на все преимущества, которыми это общество обладает. Это благотворительный институт; и сам закон, если он действует в соответствии с принятыми правилами, – не что иное, как благодеяние.

Люди имеют право жить по этим правилам, имеют право на справедливость, на исполнение политических должностей в государстве и на занятие другими профессиями. Они имеют право на продукты производства и на средства, позволяющие им сделать это производство доходным; они имеют право на наследование имущества родителей; на воспи-

тание и обучение детей; на наставление при жизни и утешение в смерти.

Человек имеет право работать для себя, не вредя другим; и вместе со всем обществом имеет неоспоримое право на часть общего достояния. Но в этом партнерстве все люди имеют равные права, но не равное имущество. Тот, кто вложил в общий фонд шестьсот фунтов, имеет право получить сумму, пропорциональную его вкладу. Но он не имеет права на равный дивиденд с основного капитала и соответственно на часть власти и определение направления, в котором, по его мнению, должно действовать государство.

* * *

Права, о которых толкуют теоретики, – это крайность; в той мере, в какой они метафизически правильны, они фальшивы с точки зрения политики и морали. Права людей в государстве – это преимущества, к которым они стремятся. Но эти преимущества всегда колеблются между добром и злом, иногда их можно найти в компромиссе того и другого. Политический разум действует по принципу расчета: он складывает, вычитает, умножает и делит не метафизические, а реальные нравственные наименования.

Ваши теоретики всегда софистически смешивают права людей с их возможностями, и пока возможности и права – одно и то же, они вместе несовместимы с добродетелью, и

с первой из добродетелей – благоразумием. Люди не имеют права на то, что не благоразумно и не является для них благом. Эти профессора, поняв, что их крайние принципы и политические схемы нельзя применить к состоянию мира, в котором они живут, часто легко отказываются от них ради тривиальной выгоды. Но есть среди них люди более стойкие, их трудно соблазнить отказаться от своих излюбленных проектов, и они постоянно стремятся к изменениям государственного устройства или церкви, а подчас и того, и другого.

Они придают своим рассудочным проектам огромную ценность и, не уважая современное государственное устройство, равнодушно относятся к возможности его совершенствования. Они не видят вреда в порочном управлении делами общества, напротив, они считают, что эти пороки создают благоприятные условия для революции. Достоинства и недостатки людей, их поступки и политические принципы рассматриваются ими лишь с одной точки зрения – насколько они способствуют или препятствуют их планам всеобщих перемен. Поэтому в одно время они поддерживают привилегии сильных, в другое – самые безумные демократические идеи свободы и переходят от одного к другому, не считаясь ни с чем, кроме своих интересов.

Воистину, театр – лучшая школа для воспитания нравственности, чем церковь, где человеческие чувства так оскорбляются. Поэты, имеющие дело с аудиторией, еще не прошедшей школу прав человека и обязанные прислуши-

ваться к движениям души, не осмелились бы преподнести на сцене такой «триумф» как предмет восторга. Там, где человек следует своим естественным порывам, он не может принять отвратительные афоризмы макиавеллевской политики, независимо от того, к какой тирании их относят – монархической или демократической. Они отвергнут их на современной сцене, как однажды сделали это во времена античности, когда не смогли вынести даже гипотетическое предположение подобного злодейства из уст тирана, хотя они вполне соответствовали характеру персонажа.

Афинский амфитеатр не выдержал бы реальной трагедии того триумфального дня. Он не мог бы смотреть на преступления новой демократии, записанные в той же книге счетов, что и преступления старого деспотизма; в этой книге демократия оказалась бы в дебете, но у нее нет ни желания, ни средств, чтобы подвести баланс. В театре с первого взгляда было бы видно, что подобный метод расчета узаконивает распространение преступлений; что конспираторам представляется прекрасный случай для предательства и кровопролития; что терпимость к использованию преступных методов делает их предпочтительными, ибо они обещают кратчайший путь к достижению цели по сравнению с высоким путем добродетели. Оправдание злодейств и убийств, совершенных во имя общественного блага, скоро приведет к тому, что общественное благо станет предлогом, а злодейство и убийство – целью; и с этого момента разбой, обман, мщение

и страх, более отвратительный, чем мщенье, потребуются для удовлетворения ненасытных appetитов правителей. Таковы будут неизбежные последствия великолепного триумфа прав человека, которые смешают все естественные представления о добре и зле.

* * *

Мы в Англии не доверяли политикам, подобным вашим. Мы благородные враги и верные союзники. Благодаря нашему упрямому сопротивлению нововведениям и присущей национальному характеру холодности и медлительности мы до сих пор продолжаем традиции наших праотцов. Мы не утратили благородства и достоинства мысли четырнадцатого столетия и не превратились в дикарей. Руссо не обратил нас в свою веру; мы не стали учениками Вольтера; Гельвеций не способствовал нашему развитию. Атеисты не стали нашими пастырями; безумцы – законодателями. Мы знаем, что не совершили никаких открытий; но мы думаем, что мораль не нуждается в открытии, так же как основы правления или идеи свободы, которые были прекрасно известны задолго до нашего появления на свет и сохраняют свое значение после того, как прах наш будет засыпан землей.

Мы в Англии еще не утратили естественные чувства, мы их храним и культивируем, ибо они верно оберегают наш долг и служат опорой нашей свободной и мужественной мо-

рали. Нас еще не выпотрошили и подобно музейным чучелам не набили соломой, тряпками и злобными и грязными бумагами о правах человека...

Как видите, сэр, в этот век Просвещения мне хватило смелости признаться, что мы люди, обладающие естественными чувствами, что, вместо того чтобы отбросить все наши старые предрассудки или стыдиться их, мы их нежно любим именно потому, что они предрассудки; и чем они старше и чем шире их влияние, тем больше наша привязанность. Мы боимся предоставить людям жить и действовать только своим собственным умом, потому что подозреваем, что ум отдельного человека слаб и индивидууму лучше черпать из общего фонда, хранящего веками приобретенную мудрость нации.

Многие из наших мыслителей, вместо того чтобы избавляться от общих предрассудков, употребляют все свои способности на обнаружение скрытой в них мудрости. Если они находят то, что ищут (их ожидания редко оказываются обманутыми), то считают, что умнее сохранить предрассудок заключенной в нем мудростью, чем отбросить его «одежку» и оставить голую истину. Предрассудки полезны, в них сконцентрированы вечные истины и добро, они помогают колеблющемуся принять решение, делают человеческие добродетели привычкой, а не рядом не связанных между собой поступков.

В этом вопросе мы расходимся с вашими литераторами и

политиками. Они не уважают мудрость других, но компенсируют это безграничным доверием к собственному уму. Для разрушения старого порядка вещей они считают достаточным основанием то, что этот порядок старый. Что касается нового порядка, то их не беспокоят опасения за прочность наспех построенного здания, потому что прочность и постоянство не волнуют тех, кто считает, что до них было сделано очень мало или вовсе ничего. Они систематически убеждают, что все, что постоянно, – плохо, и поэтому ведут беспощадную войну с государственными устоями. Они полагают, что форму правления можно менять, как модное платье. Что любой государственный строй заинтересован в сиюминутной выгоде и не нуждается в устоях. Они ведут себя так, как будто договор, заключенный между ними и властями, действителен только для последних, а не содержит взаимных обязательств, и его величество народ имеет право разорвать его без каких-либо видимых причин, кроме собственной воли.

Даже их любовь к родной стране зависит от того, как она относится к их поверхностным и краткосрочным проектам; эта любовь определяется схемой государственного устройства страны.

Кажется, только такие теории или, скорее, идеи проповедаются вашими политическими деятелями, но они полностью отличаются от тех, которые приняты в нашей стране.

Религия и церковь – основа общества

Мы знаем, более того, мы чувствуем душой, что религия – основа гражданского общества, источник добра и утешения; мы в Англии в этом настолько убеждены, что можем утверждать, что у нас девяносто девять человек из ста выступают против безбожия. Если догматы нашей религии потребуют дальнейших объяснений, мы не призовем атеизм, чтобы прояснить их. Мы не станем освещать наш храм ложным светом...

Мы знаем и гордимся знанием, что человек религиозен изначально; что атеизм противен не только нашему разуму, но и нашим инстинктам и поэтому не может долго служить их подавлению.

В наших представлениях и наших душах религии принадлежат все места – от первого до последнего, ибо, основываясь на принадлежащей нам сегодня религиозной системе, мы живем и действуем в русле дошедшего до наших дней древнего человеческого сознания. Это сознание, подобно архитектору, не только замыслило государство как священную постройку, но оно, подобно бережливому хозяину, предохраняет его структуру от порчи и разрушения, оно создает священный храм, очищенный от всякой фальши, насилия, несправедливости и тирании; оно торжественно и навечно освящает государство и все, что ему служит; это освящение

означает, что те, кто правит государством, как бы олицетворяют самого Бога; вот почему они должны сознавать высоту и достоинство своего предназначения и уповать на бессмертие; их действия должны строиться не на ничтожных сиюминутных интересах. Чтобы завещать миру богатое и славное наследство, они должны опираться на твердые и постоянные основы жизни и человеческой природы. Об этом должны помнить все люди, занимающие высокое положение в государстве. Но все нравственные, гражданские, политические и религиозные институты призваны подтвердить нераздельность божественной и человеческой идеи и служить возведению такого великолепного и удивительного строения, как Человек, которому предназначено занять высшую ступень в системе творения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.